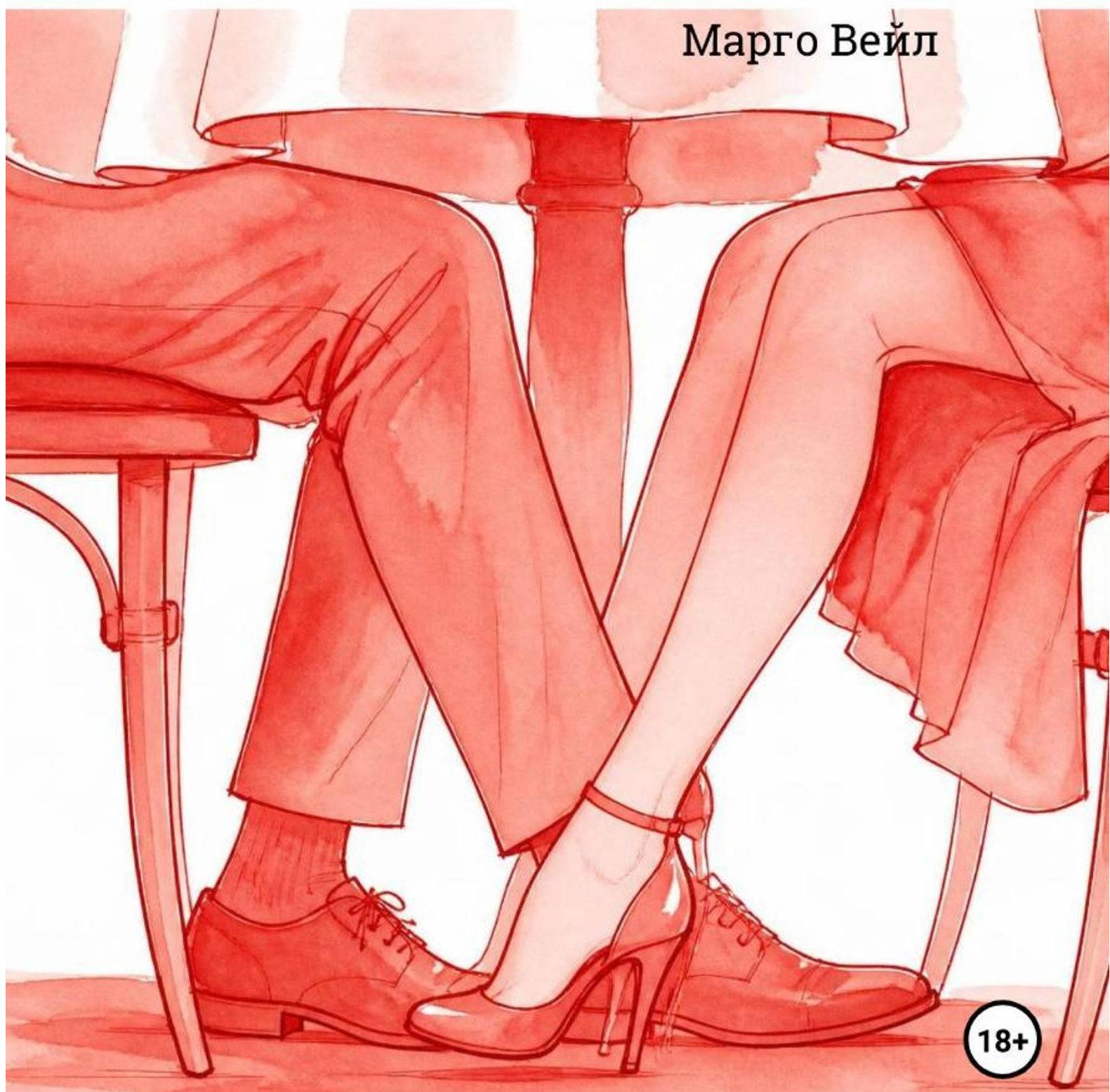

СВЕТ НЕ ВКЛЮЧУ

Марго Вейл

Марго Вейл

Свет не включу

«Автор»

2026

Вейл М.

Свет не включу / М. Вейл — «Автор», 2026

«— Если захотите продолжить без света — адрес я вам скажу. Свет не включу».Шесть лет Марина ненавидит Илью Вершинина — его медленный голос, его правоту и особенно левый угол рта, который поднимается каждый раз, когда он выигрывает. А выигрывает он чаще неё: три — два.Перед финалом очередного конкурса заказчик зовёт обоих на ужин в ресторане, где нет света. Совсем. Их сажают рядом. Лица, которое она терпеть не может, больше нет — есть только голос у самого уха, рука, поймавшая её бокал, и слова, которые он шесть лет не решался сказать.В темноте всё можно отрицать. Даже поцелуй.Чувственная история на один вечер — о сопернике, которого проще хотеть, когда его не видно. 18+

© Вейл М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ужин вслепую	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Марго Вейл

Свет не включу

Ужин вслепую

У Ильи Вершинина была улыбка, которую Марина ненавидела шесть лет.

Не всю улыбку — только левый угол рта. Он поднимался на полсантиметра, когда Илья слушал чужой доклад на защите проекта. Когда кто-то из жюри задавал ей трудный вопрос. Когда объявляли победителя, и победителем был он. Левый угол поднимался — и больше ничего в лице не менялось, и от этого было хуже, чем если бы он смеялся в голос.

Они познакомились на первом её большом конкурсе: реконструкция старой ткацкой фабрики в Иванове. Ей было тридцать один, у неё было своё маленькое бюро на троих и проект, над которым она не спала два месяца. Он представлял крупную московскую мастерскую, был старше на три года и на десять конкурсов опытнее. Он выиграл. Подошёл к ней после объявления, пожал руку и сказал:

— Хорошая подача. Жаль, что вы не посчитали нагрузку на перекрытия.

Она посчитала. Просто он нашёл ошибку в третьем знаке после запятой, которую не нашёл никто из жюри.

С тех пор они встречались на конкурсах постоянно. Архитектурный мир в России маленький, финалистов на крупные объекты — пять-шесть бюро, и почти всегда среди них были её бюро и его. Он выиграл Иваново. Она выиграла библиотеку в Перми. Он выиграл набережную в Самаре. Она выиграла школу в Тюмени. Счёт был три — два в его пользу, и Марина помнила каждый.

Он ей не нравился. Он был высокий, с тяжёлым подбородком, с сединой, которая появилась у него рано и которую он, кажется, специально не закрашивал. Он носил чёрные водолазки и говорил медленно, будто каждое слово взвешивал на весах, и всегда был прав. Всегда. Даже когда проигрывал.

Она терпеть не могла его лицо.

* * *

В октябре оба бюро вышли в финал конкурса на реконструкцию речного вокзала в Нижнем Новгороде. Их и ещё два. Решение жюри — через неделю.

За неделю до решения заказчик — пожилой меценат, который вкладывал в город деньги от проданного когда-то завода, — пригласил всех финалистов на ужин.

— Хочу посмотреть на вас не как на картинки на планшетах, — сказал он по телефону. — А как на людей. Приезжайте в пятницу. Место необычное, вам понравится.

Место оказалось рестораном в полной темноте. Марина слышала о таких: ужин без света, официанты — незрячие люди, которые ориентируются в темноте лучше гостей, еду подают, не называя блюда, и гость должен угадать сам. В фойе с приглушённой лампой гостей просили сдать телефоны, часы со светящимся циферблатом, всё, что может дать свет. Марина сдала телефон и после секундного колебания сняла очки. В темноте они всё равно не помогут.

Их по одному отводили в зал. Официант — молодой мужчина с тихим голосом, которого звали Артём, — положил её руку себе на плечо и повёл за собой в абсолютную черноту. Такой черноты Марина не видела никогда. Она открывала глаза и закрывала — никакой разницы. Звуки стали громче: звон бокалов, смех, шорох ткани, чьи-то шаги. Артём подвёл её к столу, помог нащупать спинку стула, помог сесть.

— Справа от вас гость, — сказал он. — Слева — стена. Приятного вечера. Она нащупала салфетку, вилку, край тарелки. Справа кто-то пошевелился. — Добрый вечер, — сказал знакомый голос. Медленный. Будто каждое слово на весах. Марина замерла.

— Вершинин, — сказала она.

— Марина Андреевна, — сказал он. И она услышала — не увидела, услышала, — как поднимается левый угол его рта.

* * *

Первые двадцать минут они говорили так, как говорили всегда. Колко, вежливо, с двойным дном.

— Вы уже видели проект «Гранита»? — спросил он. «Гранит» было третье бюро в финале.

— Видела. Слабо.

— Согласен. Но у них сильная подача. Жюри такое любит.

— У вас тоже сильная подача, — сказала Марина. — Всегда. Жаль, что больше ничего. Пауза.

— Вы мне это шесть лет говорите, — сказал он. — И я шесть лет выигрываю.

— Три раза из пяти.

— Вы считаете.

— Я архитектор. Я всё считаю.

Принесли первое блюдо. Марина нащупала тарелку, вилку, осторожно подцепила что-то мягкое. Положила в рот. Холодное, солёное, с кислинкой.

— Рыба, — сказала она неуверенно. — Какая-то белая рыба. С лимоном.

— Судак, — сказал он. — Маринованный. С цедрой лайма, не лимона. И с укропным маслом. И там ещё какие-то зёрна... горчица. Зернистая горчица.

Она попробовала ещё раз. Лайм. Горчица. Он был прав.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Я пробую. Вы едите глазами, Марина Андреевна. Вы всё делаете глазами. Вы архитектор, у вас всё зрительное — пропорции, линии, свет. А здесь глаз нет. Здесь надо пробовать.

Второе блюдо — он снова угадал всё, до специй. Третье — тоже. Марина злилась. Она злилась так, как злилась шесть лет, но в темноте злость была другой. Раньше, когда он говорил что-то вот так — медленно, свысока, будто объясняет студентке, — она видела его лицо, его левый угол рта, его чёрную водолазку, и злость была понятной: она ненавидела это лицо. А сейчас лица не было. Был только голос. Низкий, неторопливый, с лёгкой хрипотцой — она никогда не замечала этой хрипотцы, потому что всегда смотрела на него, а не слушала.

Голос был... она не знала, как сказать. Голос ей не мешал.

* * *

К четвёртому блюду вокруг стало шумнее. За соседними столами смеялись, кто-то уронил вилку и полез за ней под стол, кто-то громко угадывал «Это утка! Это точно утка!» — и официант так же громко отвечал: «Это свинина». Меценат на другом конце зала рассказывал историю про свой завод.

Марина потянулась за бокалом с водой, промахнулась, пальцы задела край, бокал качнулся —

И чужая рука накрыла её руку. Поймала бокал вместе с её пальцами. Удержала.

— Осторожно, — сказал он. — Вы бы его опрокинули.

Он не убрал руку.

Марина сидела неподвижно, держа бокал, а поверх её пальцев лежали его пальцы. Сухие, тёплые, тяжелее, чем она думала. Она чувствовала каждый его палец отдельно. Чувствовала

шероховатость на подушечке указательного — от карандаша, наверное, он же до сих пор рисует от руки, она видела его эскизы. Чувствовала его пульс в запястье, которое касалось её ладони.

Она должна была убрать руку. Шесть лет — и вот его рука на её руке. Она должна была сказать что-нибудь колкое.

Она не убрала руку.

И он не убрал.

Так они сидели — может быть, десять секунд, может быть, минуту, в темноте нельзя было понять. Вокруг смеялись. А потом он медленно, очень медленно провёл большим пальцем по её запястью. По тонкой коже с внутренней стороны. Один раз.

Марина перестала дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.